

Заключение (автор А. И. Першин) относится не только к данному тому, но и ко всей серии в целом. В нем характеризуются причины, по которым в истории первобытности столь много спорного, и делается попытка выяснить, что же все-таки может считаться бесспорным. Сюда, по мнению автора, относится более раннее появление труда, чем мышления; *Homo habilis* (т. е. «человек умелый») еще не человек, и его орудия еще не орудия человеческого труда; тот тезис, «что в развитом первобытном обществе община была немислима без рода, а род — без общины» (с. 548); «что первоначальный род — всегда материнский» (с. 549); наконец, универсальность племени.

Можно себе представить, какой гул вызвала бы в аудитории любого международного форума этнографов такая декларация «бесспорности» этих положений.

И тем не менее можно согласиться с последними строками книги «... что в принципе первобытная история покоится на таком же прочном фундаменте, как и остальные разделы марксистской исторической науки» (с. 550). Прочность этого фундамента, как нам представляется, не в том, что на нем могут быть воздвигнуты «бесспорные» положения, а в том, что опираясь на него, историки могут неуклонно продвигаться от более спорных положений к менее спорным.

Отношение рецензента к основным положениям данного тома уже было в какой-то мере высказано при разборе отдельных глав. Поэтому, заключая рецензию, я хочу коснуться уже не столько содержательной стороны, сколько вопросов формы.

Хотя различия авторских стилей и ощущаются, в чем, конечно же, нет ничего плохого, в целом можно сказать, что все главы тома написаны хорошим, ясным языком, хотя иногда авторы предъявляют завышенные требования к эрудиции своих читателей (выражения «вроде известного», «парадокса Салинза» (с. 539), «удовлетворительное решение „австралийской контroversы“» (с. 549) и т. п. следовало бы разъяснить).

Том, несомненно, подвергнется тщательному компетентному редактированию. И все же вызывают удивление разнобой в транскрипции разных глав, как отмеченные в глоссарии, типа Ферз — Ферс, Ивнс — Эванс, так и не отмеченные, как Полани (с. 145) — Полани (с. 122), Поспишил (с. 151) — Посписил (с. 458), а уж П. Фейош и вовсе превратился в Фехоса.

В книге весьма немного опечаток, но все же некоторые из них досадны, так как способны породить дезинформацию: «квицу» на с. 450 вместо «кипу», «мегалитические» истоки неолита вместо «мезолитические» (с. 330), «арауканские вожества на Ганти» (очевидно, вместо аравакских — см. с. 388).

Все это, может быть, и воспринимается как мелочные придирки, но они продиктованы желанием видеть эту книгу, составляющую определенную веху в развитии нашей науки, свободной от таких шероховатостей. А в том, что эта книга действительно является существенной вехой и послужит добрую службу и специалистам, и студентам, и даже более широким кругам, заинтересованным в историческом знании, сомнений быть не может.

С. А. Арутюнов

© 1990 г.

Ю. В. Павленко. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, 1989.

Проблема становления классового общества и оценка формационной принадлежности раннеклассовых структур всегда были в центре внимания марксистской исторической науки. В последние годы актуальность этих вопросов еще более возросла, и научные исследования в этой области оживились. Связано это с рядом факторов: во-первых, кумулятивный процесс введения в научный оборот все новых и новых источников вывел науку на качественно новый рубеж, требующий переоценки многих прежних представлений; во-вторых, наступление периода гласности в нашей стране, установка на плюрализм мнений благотворно сказались на научной атмосфере, позволили открыто высказывать идеи и разрабатывать концепции, идущие вразрез с теми «общепринятыми» представлениями, которые годами царили на страницах наших научных изданий; наконец, в-третьих, нарастание в советском обществе социальной неоднородности, которое дало о себе знать особенно в последние годы, показав воочию ложность представления о «монolithicном единстве» советского народа, которое в течение многих лет навязывалось нам средствами массовой информации. Отмечу, кстати, что с введением на полную мощность тех новых экономических механизмов, которые с таким трудом пробивают себе дорогу, гетерогенность эта будет усиливаться. И это делает изучение процесса классовообразования и характера раннеклассовых обществ особенно актуальным.

Поэтому рецензируемая книга представляется своевременной и весьма полезной. Однако ее научное значение состоит даже не столько в этом, сколько в методологическом подходе, заключающемся в себе scrupulous анализ диалектики общего и особенного. Об этом свидетельствует уже многообещающее название, выражающее желание автора избежать чрезмерных генерализаций, укоренившихся в нашей теоретической науке, изучающей исторический процесс, в частности классовообразование. Вместе с тем переход от общих представлений и концепций к конкретно-исторической реконструкции — очень непростая процедура¹, методы которой еще предстоит детально разработать. Во всяком случае одно сейчас безусловно ясно: нельзя механически без должной критической оценки переносить представления об общих закономерностях развития, разработанные теоретиками, на частную картину, подлежащую реконструкции, так как исторический процесс чрезвычайно сложен и вариативен и в каждом конкретном случае так или иначе отклоняется от теоретической генерализованной модели. Кроме того, надо всегда помнить и о том, что каждое новое изучение какого-либо конкретного процесса может заставить нас вносить коррективы в уже выработанную ранее генерализованную модель.

Чувствуя имеющиеся здесь сложности и подводные течения, автор совершенно закономерно и логично построил свое изложение в нескольких планах. Вначале он детально анализирует развитие научных взглядов на проблему классовобразования и рассматривает общую модель становления раннеклассовых обществ, а затем переходит к детальному анализу конкретно-исторического процесса в лесостепной зоне Украины. Особенно отродно, что одной из главных задач своего исследования автор считает выявление и объяснение *путей и стадий* развития общества в рамках докапиталистической классовой формации (с. 6). По сути дела такая постановка задачи является возвращением к идеям К. Маркса, который ставил и пытался решить задачу выделения локальных вариантов и путей развития внутри архаической формации, что неоднократно и совершенно справедливо подчеркивает сам автор (с. 4, 5, 11—18) и чему посвящено специальное исследование М. А. Виткина².

Остается только пожалеть, что автор не использовал последнее в своей работе, так как это дало бы ему возможность более точно формулировать некоторые свои положения, а также находить дополнительную опору своим мыслям в трудах классиков марксизма. Так, достаточно спорным представляется утверждение автора о том, что «основополагающим критерием выделения отдельных стадий общественно-экономического развития для К. Маркса были не формы собственности, а ... ступени развития производительных сил» (с. 5). Но ведь известно, что различить предклассовые и раннеклассовые общества по уровню развития производительных сил практически невозможно. Да и окружающая нас действительность XX в. делает этот подход более чем спорным. Но ведь и Маркс, формулируя еще в 40-е годы XIX в. свои представления о стадиях исторического развития, одним из важнейших показателей считал формы собственности³.

В уточнении нуждается и, например, вопрос о том, когда К. Маркс и Ф. Энгельс впервые проявили интерес к особенностям экономических и политических отношений на Востоке. Это произошло не в 50-х (с. 12), а еще в 40-х годах XIX в.⁴.

В целом же автору, несмотря на лаконичность изложения, удалось нарисовать достаточно динамичную картину эволюции идей о классовобразовании, начиная от взглядов классиков марксизма и вплоть до наших дней. Еще раз надо подчеркнуть, что благодаря его тонкому анализу читатель убеждается в стремлении Маркса и Энгельса избежать какого-либо схематизма, выработав достаточно дифференцированный подход к различного рода обществам. Об этом свидетельствуют хотя бы цитируемые Ю. В. Павленко слова Маркса о том, что «не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу» (с. 15), поистине пророческие слова, подтверждаемые ныне массой этнографических данных. Совершенно правильно подчеркивается и идея Энгельса о двух путях классовобразования (с. 16—17), подхваченная и развитая в последние годы целым рядом советских исследователей и играющая важную роль в авторской концепции. К этому можно было бы добавить, что к 80-м годам XIX в. у классиков марксизма начала вызревать мысль о том, что «Восток» и «Запад» — это не стадии одной общественно-экономической формации, а разные типы обществ⁵. Знаменательно, что и автор приходит к выводу о том, что древневосточные и древнеевропейские раннеклассовые общества являлись разными типами социальных структур, появившихся в результате принципиально различных эволюционных процессов (с. 260 и сл.).

Если в принципе некоторые советские авторы в той или иной степени уже пытались развить эту идею, указывая, в частности, на особенности землевладения и землепользования, характер общинных связей и типы эксплуатации, то безусловно самостоятельным и оригинальным вкладом автора является анализ некоторых существенных особенностей раннего ремесла и его роли в процессе классовобразования в разных регионах мира. Так, одним из основных в авторской концепции является тезис о том, что рост производства в жизнеобеспечивающей сфере экономики в раннеземледельческих цивилизациях происходил не за счет усовершенствования орудий труда, а путем введения новых принципов организации труда, под которыми автор понимает коллективные работы и хозяйственную специализацию отдельных общин (с. 93). Разумеется, оговаривается он, были и иные способы повышения эффективности производства, например селекция растений, выведение новых пород скота, рост объема агротехнических знаний и т. д., и их нельзя недооценивать. Иллюстрируя это положение автора, можно вспомнить, что огромную роль в хозяйственной эволюции Передней Азии в предклассовый период сыграло введение и развитие ирригации, появление пашенного земледелия, распространение садоводства, выведение шерстных и молочных пород скота, начало использования животных под выюк и в виде тягловой силы — и на этой основе рост общинной и региональной специализации. А, например, в Мезоамерике в предклассовую эпоху сложилось своеобразное сочетание очень разных земледельческих систем, были выведены высокоурожайные сорта маиса, начался расцвет поликультурного земледелия.

Впрочем, мысль автора о том, что в некоторых, прежде всего архаических земледельческих цивилизациях, рост производства осуществлялся главным образом за счет организационных и агротехнических факторов, а в других случаях — за счет усовершенствования земледельческих орудий (в частности, изготовления их из металла — с. 84—85), представляется мне плодотворной, хотя и требующей дальнейшей разработки и корректировки. Так, можно было бы отметить, что в древнейших цивилизациях Передней Азии, Египта и долины Инда в III тыс. до н. э. определенную роль в развитии сельскохозяйственного производства сыграли появление и использование пахотных орудий, т. е. и здесь происходило совершенствование земледельческих орудий. Правда, эти ранние орудия были малоэффективными и, разумеется, не имели первостепенного значения для местного земледелия. Во всяком случае ясно, что обсуждение проблемы роста производительных сил в ходе классовобразования нельзя сводить лишь к анализу орудий труда. Последнее иногда ведет к неверным выводам⁶. Это надо иметь в виду особенно при работе с археологическими материалами, специфика которых в силу особенностей этих источников такова, что исследователь

может невольно искусственно преувеличить роль орудий труда за счет приуменьшения места других видов производительных сил.

Как бы то ни было, авторская концепция содержит в себе дифференцированный подход к оценке роли и места ремесла в ранних цивилизациях. По мнению автора, который опирается на массовые археологические и исторические источники, первоначальное ремесло в основном обслуживало интересы знати и было прежде всего источником престижных вещей. В отношении металлургии это диктовалось тем, что медь и бронза являлись редкими и дорогостоящими видами сырья и металлические сельскохозяйственные орудия более или менее широко начали применяться лишь к концу бронзового века⁷. Ситуация коренным образом изменилась в раннем железном веке, когда процесс классообразования охватил новые территории с иными социальными системами и иной природной средой, где железные сельскохозяйственные орудия сыграли важную роль в классообразовании.

Однако в этом отношении ситуация во многих районах Африки к югу от Сахары мало чем отличалась от европейской. Вместе с тем Тропическая Африка представляется автору стоящей как бы особняком в силу своеобразия своего пути классообразования (с. 148—150), хотя к сожалению, это и не находит места в авторской концепции, подразделяющей раннеклассовые общества на древневосточные и древнеевропейские (с. 262).

В целом, как мне представляется, стремление современных советских исследователей, в том числе автора данной монографии, дать более подробную типологию древних цивилизаций и путей классообразования можно только приветствовать как весьма перспективную и многообещающую линию в нашей науке. Но для этого еще предстоит уточнить и углубить многие наши представления, что в свою очередь требует дополнительного изучения некоторых проблем, часть из которых традиционна для нашей науки. В частности, по мнению Ю. В. Павленко, «раннеклассовым является всякое эксплуататорское общество, в системе которого отсутствуют частная собственность на основное средство производства (землю) и прибавочный продукт, товарно-рыночное производство ...» (с. 258—259). Прямо противоположного придерживался Л. Е. Куббель, считавший, что товарное производство и частная собственность являлись главными предпосылками разложения первобытного общества и классообразования⁸. Некоторые другие советские авторы, если и пишут о частной собственности в раннеклассовых обществах, то в особом смысле. Так, развивая некоторые идеи Маркса о сущности бюрократического восточного государства, Ю. И. Семенов говорит о верховной, или групповой, частной собственности бюрократического государственного аппарата, определяя ее как «политарную»⁹. По сути дела сходных взглядов придерживается и Ю. В. Павленко (с. 6—7). Это — не что иное, как ранние представления Маркса и Энгельса об «азиатском способе производства», которые резюмированы М. А. Виткиным следующим образом: «Частная собственность на землю отсутствует. Экономической основой эксплуатации служит государственная собственность на землю и воду»¹⁰. Кроме того, это «власть-собственность» (по Л. С. Васильеву), т. е. понятие, которым широко пользуется автор.

Оценивая такую систему взглядов, получившую у нас в последние годы определенное распространение, следует также напомнить, что в 70—80-е годы XIX в. Маркс и Энгельс начали критический пересмотр своей первоначальной идеи государственной собственности на землю на Востоке и пришли к выводу о неправомерности отождествления там ренты с налогом¹¹. Для выяснения этой проблемы представляется необходимым проведение более детальных и целенаправленных исследований систем землевладения, зависимости и эксплуатации в раннеклассовых обществах. К примеру, уже сейчас можно утверждать, что эти системы были далеко не единообразны. Известны случаи, когда помимо доходов, поступающих царскому двору путем дани и налогообложения, имелся и иной источник доходов, связанный с землями, принадлежавшими лично царю и обрабатывавшимися свободными общинниками путем трудовой повинности. Имелись и иные источники поступлений в царскую казну, свидетельствующие о многообразии форм эксплуатации в раннеклассовых обществах. Так, Н. Б. Кочаковой удалось насчитать до 11 таких источников в странах побережья Беннигского залива¹².

Возможно, ключ к решению этой проблемы могло бы дать углубленное изучение характера и путей модификации социальных связей в процессе классообразования. Ведь еще Маркс делил человеческую историю на две основных эпохи — естественную (или первобытную) и общественную (или цивилизованную), отмечая, что первая базировалась на личностных связях, вторая — на экономических. А промежуточный переходный период характеризовался сложным сочетанием тех и других. Действительно, имеющие сейчас данные сравнительной этнографии свидетельствуют о первостепенной важности личностных связей как в эпоху классической первобытности, так и в период классообразования, когда вес человека в обществе определялся прежде всего размерами его социальной сети. И именно ради развития последней человек стремился наращивать свою производственную деятельность. Отсюда нормативное требование проявлять щедрость и, наряду с этим, неприязненное и даже враждебное отношение к накоплению материальных ценностей. Отсюда и весьма широко распространенное восприятие богатства как наличия прочной социальной опоры среди многочисленных родственников и друзей, а не только обладания какими-то материальными благами. Отсюда расцвет престижно-социальных церемоний, значение которых сохранилось и во многих раннеклассовых обществах. Отсюда же и прослеживаемая в истории эволюция от дружеской взаимопомощи до лояльности вначале к неформальному лидеру, а позднее и вождю, лояльности, которая выражалась в личной преданности именно властителю, а не какой-то абстрактной территории или государству (последнее в силу указанных причин нередко отождествлялось с личностью властелина). Иначе говоря, на заре истории, в том числе и в процессе классообразования, задачи производства были подчинены стратегии, связанной с установлением и укреплением личностных отношений, тогда как в развитом классовом обществе, напротив,

личные отношения поставлены на службу экономическому интересу, получению экономической выгоды. С этой точки зрения, на эволюционной исторической шкале раннеклассовые общества помещаются, по-видимому, на рубеже этих двух эпох. А поэтому для понимания их становления и специфики следовало бы, возможно, преимущественное внимание уделить именно эволюции личностных, иначе говоря, социальных отношений. И тогда вопрос о земельной собственности занял бы подобающее ему далеко не первое место, и стало бы понятно, почему общины, являвшиеся полноправными владельцами земли, все же были обязаны платить налог государству и выполнять всевозможные повинности.

Вопрос о преобладании социального фактора в первобытности над экономическим имеет и другую сторону, которая связана с предпосылками и факторами самого процесса классовообразования. В связи с этим трудно согласиться с мыслью, что «неолитическая революция (а автор понимает под ней переход к производящему хозяйству. — В. Ш.)... выступает в роли решающего условия начала формирования эксплуататорских отношений или, точнее, тех предпосылок, которые обусловили их становление» (с. 75). Ведь на самом деле те важные сдвиги, которые В. М. Массон и некоторые другие авторы связывают с возникновением земледелия и скотоводства, сплошь и рядом наблюдались в обществах охотников, рыболовов и собирателей, ведущих высокoeffективное присваивающее хозяйство¹³. Поэтому более основательной мне представляется точка зрения В. А. Башилова, связывающего процесс классовообразования с появлением «прибавочного» (правильнее избыточного. — В. Ш.) продукта независимо от того, в рамках какого именно хозяйства последний был получен. Да ведь и автору не столь уж чужда эта позиция, когда он критикует Чайлда за неумение провести различия между этапами хозяйственно-культурного развития и социально-экономическими сдвигами (с. 39), или когда он отмечает, что на базе присваивающего хозяйства мог быть достигнут тот же уровень производительности труда, что и при ранних формах производящего хозяйства (с. 77. Ср. также с. 80). Что же касается эмпирических данных в пользу этого положения, то благодаря работам археологов их сейчас более чем достаточно. В частности, во многих районах Северной Америки, в том числе в Калифорнии и на северо-западном побережье, стратифицированные общества возникли в рамках высокопродуктивного присваивающего хозяйства задолго до плаваний Колумба¹⁴. И все это — далеко не «редкие случаи» (с. 79). Из последних открытий в этой области можно назвать обнаруженные недавно высокопродуктивные хозяйственные системы в Юго-Восточной Австралии, возникшие там не позднее рубежа нашей эры. В теоретическом же плане рассматриваемый вопрос решается так, что становление классового общества могло начаться и достаточно далеко зайти в условиях господства присваивающего хозяйства, но не могло окончательно завершиться¹⁵.

Одна из причин разногласий по поводу различных аспектов проблемы классовообразования заключается в крайней фрагментарности имеющихся данных о древних обществах и неоднозначности их интерпретации. И автор совершенно прав, посвятив специальный раздел книги археологическим признакам раннеклассовых обществ. В настоящее время эта проблема волнует многих исследователей и у нас, и за рубежом. Судя по результатам ее анализа разными авторами, чисто археологическим путем невозможно выявить грань между классовыми и раннеклассовыми обществами. Отмечу, кстати, что обладающие несравненно более полной информацией истории и этнографы также нередко не в силах провести такую грань¹⁶. Сошлюсь хотя бы на нескончаемые споры о формационной принадлежности наиболее развитых из полинезийских обществ. Вместе с тем археология дает возможность достаточно детально проследживать процесс нарастания социальной стратификации. По-видимому, именно здесь археологам и необходимо сосредоточить основные усилия, о чем и свидетельствует критический обзор археологических источников, произведенный автором.

Книга Ю. В. Павленко затрагивает огромное количество самых разнообразных сюжетов, каждый из которых может стать предметом отдельного разговора. Например, в ней как будто бы впервые ставится совершенно неразработанная у нас проблема регресса раннеклассовых структур и возникновения на этой основе особого типа обществ, которые автор называет «протоклассовыми» (с. 160). Эта проблема, безусловно, требует дальнейшей разработки, хотя более подходящим для обществ такого типа представляется термин «параклассовые». Не менее важными проблемами, которые поднимает автор, являются соотношение этноса и археологической культуры, эволюция и характер древних городов, особенности древней торговли и товарно-денежных отношений и пр.

Как видно из вышеизложенного, несмотря на то, что многие из этих проблем дискуссионны и еще не получили окончательного решения, сама их постановка и попытка их комплексного анализа в рамках единой авторской концепции являются чрезвычайно полезными, будоража умы исследователей и стимулируя развитие новых нетривиальных подходов. Появление рецензируемой книги является несомненной удачей молодого автора, который в дальнейшем, несомненно, будет развивать и уточнять отдельные моменты своей концепции.

В. А. Шнирельман

Примечания

¹ Барг М. А., Черняк Е. Б. Исторические структуры и исторические законы // Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980. С. 131 и сл.; История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропо-социогенеза. М., 1983. С. 83.

² Виткин М. А. Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972.

³ См., например, Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 20—24. Ср.: Виткин М. А. Указ. раб. С. 37.

⁴ Виткин М. А. Указ. раб. С. 34 и сл.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ См.: История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988. С. 128, прим. 75.

⁷ Ср.: Там же. М., 1988. С. 75, 76, 91 и сл.

⁸ Там же. С. 143.

⁹ Семенов Ю. И. К вопросу о первой форме классового общества // Уч. зап. Красноярского гос. пед. ин-та. Красноярск, 1957. Т. 9. Вып. 1; *Его же*. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980. С. 111 и сл.

¹⁰ Виткин М. А. Указ. раб. С. 8, 53.

¹¹ Там же. С. 86—87.

¹² Кочакова Н. Б. Рождение африканской цивилизации. М., 1986. С. 262.

¹³ Подробнее см.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 334—336, 444—452; История первобытного общества. Эпоха классовообразования... С. 50—56.

¹⁴ Шнирельман В. А. Древние культуры и цивилизации // Коренное население Америки в современном мире. М., 1990.

¹⁵ История первобытного общества. Эпоха классовообразования... С. 141—142.

¹⁶ См., например: Киселев Г. С. Доколониальная Африка. Формирование классового общества. М., 1985. С. 109.

© 1990 г.

Ph. K. Bock. Rethinking Psychological Anthropology. Continuity and Change in Study of Human Action. N. Y., 1988. 254 P.¹

Рецензируемая книга представляет собой историко-теоретический анализ развития психологической антропологии и размышление над проблемами, стоящими перед ней в 1980—1990 гг. Монография Ф. К. Бока, написанная на основе курса лекций, читаемых в университете Нью-Мексико в течение 20 лет — это один из вариантов видения психологической антропологии на современном этапе ее развития, отмеченном появлением серии фундаментальных трудов, обобщающих поиски и достижения в этой области знания.²

Психологическая антропология — «междисциплинарная область, развитие которой определялось взаимодействием антропологических проблем и психологических теорий» (р. XI). Главная ее задача, по мнению Ф. К. Бока, «понять взаимоотношения между индивидуальными и социокультурными явлениями» (р. I). Фундаментальную роль в ней играют конкретно-исторические исследования самых различных направлений. Поэтому, нередко как синоним «психологической антропологии» употребляют термин «этнопсихология», отражающий специфику объекта исследования — этнические общности. Не случайно, что и книга Ф. К. Бока отнесена к рубрике «этнопсихология» в библиотеке конгресса США.

Организуя принцип построения рецензируемой монографии является классификация «школ и подходов» психологической антропологии, предложенная автором. В ней он, используя таксономические единицы различного уровня (школа более общая, чем подход) стремится в историческом и логическом плане дать исчерпывающее представление относительно области исследований рассматриваемой дисциплины. Всего Ф. К. Бок выделяет четыре школы. Первая — психоаналитическая антропология (подходы — ортодоксальный, неофрейдизм). Вторая — культура и личность (конфигурационализм — основная и модальная личность, национальный характер, кросс-культурный подход). Третья — социальная структура и личность (подходы — материалистический, позитивистский, интеракционистский). И, наконец, четвертая — когнитивная антропология, состоящая из исследований первобытного мышления, анализа проблем человеческого развития и этносемантики (р. 42). Классификация школ и подходов, предложенная Ф. К. Бок, позволяет охарактеризовать область исследований психологической антропологии как в хронологическом, так и в структурно-предметном аспектах. Правда, автор, значительно и, как представляется, недостаточно обоснованно расширяет временные рамки анализируемой дисциплины. По его мнению, психологическая антропология начинает свое существование с 1848 г. (с работ К. Маркса и Ф. Энгельса) а не с исследований американских антропологов 20—30 гг. XX в., как считает большинство американских антропологов. Практически вся школа «Социальная структура и личность» обычно не включается в психологическую антропологию. Все же ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни Н. И. Бухарин (материалистический подход) не были основателями этой дисциплины ни в историческом, ни в логическом планах. Более обоснованно было бы вести отсчет от Гегеля, неоднократно обращавшегося в своих трудах к этнопсихологии. Едва ли правомерно относить к психологической антропологии труды таких безусловно выдающихся ученых как М. Вебер и Р. Мертон (позитивистский подход). Таким образом, в классификации Ф. К. Бока явно выражена тенденция превращения психологической антропологии из междисциплинарной области в метанауку, далеко выходящую за рамки взаимодействия психологии и антропологии, что противоречит его же исходному определению. В то же время в предложенной Ф. К. Бок классификации (в 1980—88 гг.) не получил отражения наиболее перспективный этнологический подход, хотя он весьма кратко представлен в книге.